

с. 5.

ИЗЪ ПУБЛИКИ.

Все еще продолжаетъ обсуждаться въ печати инцидентъ между господиномъ Горькимъ и публикой въ фойе московскаго театра, и я, бывший тогда въ числѣ публики, прошу дать мѣсто моему объясненію.

Въ числѣ прочихъ и мнѣ хотѣлось видѣть нашего образованнаго, талантливаго писателя А. П. Чехова. Мы смотрѣли на него, аллюдируя ему, какъ автору даваемой пьесы, съ благодарностью за доставленное удовольствіе, и мы съ участіемъ смотрѣли на него, какъ на человека, по слухамъ, больного, радуясь, что онъ на видѣ здоровѣе, чѣмъ говорятъ. Отчего публика не посмотрѣть на своихъ любимцевъ? Смотрѣли мы также и на г. Горькаго.

Несмѣтными толпы сбѣгаются смотрѣть на коронованныхъ особъ, подготовленныхъ къ этому воспитаніемъ и отвѣчающихъ толпѣ милостивыми улыбками, поклонами... Отчего же не собраться посмотрѣть на царьковъ нашей белетристики? Если скромны они чересчуръ, то не показываются среди публики или ничѣмъ не возбуждаютъ ея любопытства. Едва ли кто-нибудь выдастъ въ буфетѣхъ въ стѣнахъ увеселительныхъ мѣстъ корифеевъ литературы, какъ Салтыковъ, Л. Толстой, Хвощинская, и другихъ знаменитостей, по достиженіи или большой извѣстности. Но если таковыхъ встрѣтитъ публика среди себя, она въ правѣ на нихъ смотрѣть безнаказанно.

Ничто больше баловства не портитъ дѣтей и взрослыхъ людей, и скажемъ — литераторовъ. Дай Богъ, чтобы на нихъ творчество не отражалась порча.

Избалованный критикой и читателями г. Горькій, принявъ на свой только счетъ все вниманіе публики, сдѣлалъ намъ выговоръ.

Ни мѣсто, ни время, ни вѣжливость не позволяли намъ отвѣтить ему какъ слѣдовало или хотя спросить его: почему напримѣръ балерина и утопленникъ должны быть читателямъ интереснѣе авторовъ читаемыхъ книгъ? Кго слова: «глазѣте»; «смотрите мнѣ въ ротъ»; его дозволеніе: «шлепайте себѣ на здровье, когда я напишу пьесу», — не скажу, чтобы очень насъ шокировали, но показались особенно нелитературными въ устахъ литератора, неловкими по отношенію къ автору «Дяди Вани» и совершенно необычными ни въ разговорной, ни въ ораторской рѣчи съ посторонними. Въ особенности его выраженіе: «Я пью чай съ Антономъ Павловичемъ!» — выраженіе, напоминающее опереточнаго мандарина Самъ-Пью-Чай, — показалось намъ прямо забавнымъ: свое я уже ставилъ на первомъ планѣ небалованнаго литератора!

Все въ его выходѣ вызвало смѣхъ и состраданіе, и вообще странное, смѣшанное чувство неожиданности, въ которомъ можно разобратся на досугъ. Тогда мы въ замѣшательствахъ могли только поаплодировать чудачу.